

УДК 347.995(470.56)

В. М. Шадрин

СУДОПРОИЗВОДСТВО В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ И МЕСТНОЙ ЮСТИЦИИ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

V. M. Shadrin

LEGAL PROCEEDINGS IN THE SYSTEM OF ADMINISTRATION AND LOCAL JUSTICE OF ORENBURG COSSACK TROOPS

Статья посвящена историко-правовому анализу судопроизводства в системе управления и местной юстиции Оренбургского казачьего войска (ОКВ). Автор рассматривает особенности формирования судебной системы в Оренбургском крае, отмечает, что в период возникновения казачьего войска единой системы регулирования правовых отношений и судопроизводства не существовало, судебная система строилась на словесном принципе и отличалась крайней противоречивостью. Судебная власть в крае, как и в России в целом, продолжала являться придатком административной. Судостроительство в ОКВ в рассматриваемый период, по мнению автора, следует отнести к смешанному типу. Проблемы же смешанного судопроизводства в административно-правовой системе казачьего войска являлись наиболее серьезными и были связаны с особенностями казачества, представлявшего собой своеобразный симбиоз крестьянства и военно-служилого сословия.

Ключевые слова: судебная система, судопроизводство, Оренбургское казачье войско, военная и гражданская юстиция.

The article is devoted to historical and legal analysis of the proceedings in the administrative system and the local justice of the Orenburg Cossack Troops (OCT). The author considers peculiarities of judicial system in the Orenburg region and mentions that during the formation of Cossack Troops the unified system of regulation of legal relations and legal proceedings did not exist, the court system was built on the principle of social class and was extremely controversial. Judicial power in the region, as well as in Russia as a whole, continued to be an appendage of the administrative power. Judicial administration in OCT in the period under review should be attributed to the mixed type according to the author. The problem of mixed legal proceedings in the administrative and legal system of the Cossack Troops is the most serious and has been associated with the peculiarities of the Cossacks as a kind of symbiosis between the peasants and the military-service class.

Keywords: judicial system, judicial proceedings, Orenburg Cossack Troops, military and civil justice.

Особенность формирования судебной системы в Оренбургском крае была напрямую связана с колонизацией обширной территории, вошедшей в состав Российской империи только во второй чет-

верти XVIII века и протекавшей в условиях незавершенности процесса социальной стратификации населения региона. Разнородность этнокультурных укладов и религиозной принадлежности (в крае

проживали башкиры, казахи, ногайцы, мордва, чувашаи, крещенные калмыки, русские, татары, исповедовавшие ислам, православие, ламаизм, языческие культы) вынуждала правительство создавать для каждой общественной группы особые правовые режимы, предпринимать шаги к их быстрой адаптации в сословный строй империи [14, с. 66]. Единой системы регулирования правовых отношений и судопроизводства не существовало. Среди лиц, исповедовавших православие, имелись сторонники раскола и различных сект, которые в силу диктата ортодоксального православия фактически оказались лишены многих прав, как, к примеру, казаки-старообрядцы. На них налагался ряд достаточно серьезных ограничений, в частности, на право занимать командные должности, избираться в состав представительных органов, получать образование. Существенно отличающийся от крестьянского быт, традиции и обычаи с течением времени выработали самарские и уфимские городские казаки, воспринявшие как элементы оседлого образа жизни, так и многие особенности бытового уклада кочевников. В этих условиях судебная власть, по нашему мнению, в значительной степени приобретала функцию регулятора социальных отношений в обществе, predetermined сословной организацией подданных империи.

В первой половине XVIII века, в период создания Оренбургского казачьего войска, судебная система на территории края, как и в целом в государстве, строилась на сословном принципе и отличалась крайней противоречивостью. Судебные органы были многообразными. В рассматриваемый период появляются ратуши, наделенные функцией «расправных дел», апелляционные надворные и земские суды в провинциях, военные суды — полковые и Генеральный кригсрехт. Приговоры Генерального кригсрехта выносились на утверждение в Военную коллегию, а смертные приговоры в отношении штаб-офицеров требовали еще и утверждения императора. Военной коллегии были подсудны их собственные служащие. Судебными полномочиями (по делам своих чиновников) обладали и иные коллегии и приказы. Вся система судебных учреждений была подчинена Сенату. Высшую судебную инстанцию представлял монарх, компетенция которого в сфере судопроизводства была неограниченной.

В 1722 г., взамен упраздненных нижних судов, в провинциях были учреждены новые провинциальные суды, состоявшие из провинциального воеводы и асессо-

ров. В качестве апелляционной инстанции для провинциальных судов сохранялись надворные суды [5, с. 299]. Наметившаяся попытка преобразования воеводско-приказной системы, отделения судебной функции от административной, проводилась робко, непоследовательно, и в конечном итоге административные органы почти полностью подчинили судебные. Судебная власть в России еще длительное время продолжала являться придатком административной: избираемые судьи и назначаемые прокуроры были полностью подконтрольны губернаторам [4, с. 77]. В руках губернаторов, помимо административной, в значительной степени была сосредоточена и власть судебная. Так, например, в 1760 г. в одной из инструкций командирам дистанций пограничной линии оренбургский губернатор А. Р. Давыдов отмечал: «Казачков же, по состоянию их вины, должно наказывать не более как плетью тамо через их атаманов и старшин, а по криминальным делам представлять ко мне» [6, с. 122].

Военное ведомство, в непосредственном подчинении которого находились оренбургские казаки, в рассматриваемый период также имело весьма смутное представление о состоянии дел в Войске. Указом от 17 июля 1768 г. за № 4399 Военная коллегия потребовала от оренбургского губернатора сведения о казаках, в том числе и «какие суды между собою и в прочих преступлениях производят и каким правом» [6, с. 160]. Станичные атаманы и атаман исетских казаков дали ответы: «Маловажные проступки по службе, а также брань, обиды, малые кражи, и прочие судились атаманами станиц, словесным судом, а в числе наказаний были плети и батоги. По важным проступкам и преступлениям дела решались в войсковой канцелярии в г. Оренбурге; в Исетской провинции криминальные и разбойные дела решались в Исетской провинциальной канцелярии, а остальные — в Оренбургской войсковой канцелярии и в станицах. В войсковой канцелярии дела решались по воинским артикулам и с мнением следователей представлялись войсковому атаману, который более важные дела представлял Оренбургскому губернатору со своим мнением, а остальные решал своею конфирмациею» [6, с. 161].

Таким образом, основная масса «маловажных проступков» разрешалась непосредственно станичными атаманами, а правовая жизнь в казачьем войске, да и в крае в целом, в значительной степени покоилась на обычае, сквозь который лишь к

середине века все отчетливее стало проявляться влияние нормативных правовых актов.

Судоустройство в Оренбургском казачьем войске в рассматриваемый период, по нашему мнению, можно отнести к смешанному типу. Проблемы же смешанного судопроизводства в административно-правовой системе казачьего войска являлись наиболее серьезными и были связаны с особенностями казачества, представлявшего собой своеобразный симбиоз крестьянства и военно-служилого сословия. На одном из заседаний екатерининской Комиссии по составлению проекта нового Уложения, 6 марта 1768 г., депутат от казаков Прокофий Бурцев отмечал, что «многие казаки, снося свои обиды, остаются без просьбы и без удовлетворения, а другие, которых долгое время волочат по делам, доводятся до крайней бедности и совершенного разорения; так что и поправиться не могут, и понапрасну страдая, видят свою гибель...» [6, с. 145]. Одну из причин такого положения дел Бурцев видел в том что на всю Оренбургскую губернию у казаков «составлены две войсковые канцелярии», которые в связи со значительной удаленностью от ряда станиц и города Уфы, где проживали уфимские казаки, не могли своевременно разрешать возникающие споры. Другой причиной депутат называл имевшее место совмещение гражданской и военной юстиции. «В казацких войсках Оренбургской губернии есть смешение в судопроизводстве, которое порождает в мыслях моих много смущения, потому что одно дело судиться в силу воинских регул, другое же гражданским судом» [6, с. 146].

В ноябре 1764 г. распоряжением Военной коллегии было закреплено правило о том, что казаки по месту своего жительства находятся «под управлением губернским», в случае же командирования на пограничную линию, на форпосты и на «прочие воинские надобности» они должны состоять в подчинении военного начальства.

С совершенствованием системы управления и образованием в 1798 году кантонов судебные полномочия по мало-значительным преступлениям были переданы кантональным начальникам. Дела же по более серьезным преступлениям направлялись в войсковую канцелярию, которая со своим мнением представляла их Оренбургскому военному губернатору. Несколько позже, в начале XVIII в., эти дела и все поземельные: как то споры и тяжбы о землях перешли в ведение обще-

губернских судов. Для разбирательства же дел о преступлениях совершенных служащими казаками, в 1831 г. при войсковой канцелярии был учрежден военный суд.

Распространенным наказанием, применяемым этим судом, была экзекуция — розги и шпицрутены. С начала XVIII в. Петром I были введены немецкие шпицрутены — гибкие прутья длиной около сажени (длина прямой сажени колебалась от 152 до 176 см, косой — от 216 до 248 см) и несколько меньше вершка в диаметре [7, с. 89—90]. Генерал-майор И. В. Чернов в своих исторических записках отмечал, что еще при губернаторе О. А. Игельстроме было по суду определено «прогнать сквозь строй 12 раз через тысячу человек казачьего сотника Бухмастова с другими казаками за ограбление киргиз на их свадьбе» [13, с. 164].

Несмотря на то что в царствование Александра I происходит определенное смягчение жестоких порядков его предшественника, «гонка виновных через 1 тысячу до 3 тысяч человек еще долго продолжалась» [3, с. 90]. Иван Васильевич Чернов писал по этому поводу: «Почти каждый день с ранней весны и до глубокой осени солдаты линейных батальонов, выведившиеся на учения на форштадскую площадь или на таковую же от Водяных до Чернореченских ворот, выстраивались в две шеренги и наказывали виновных; утром и вечером это было обычным явлением и никого не смущало. По окончании наказания палки бросались, наказанные отправлялись в госпиталь, а солдаты начинали свое обычное ученье» [13, с. 164].

В 30-е годы XIX в. оренбургский военный губернатор генерал-адъютант В. А. Перовский обратился к военному министру с просьбой «исходатайствовать Высочайшее соизволение, дабы за все роды преступлений, в которые впадут люди военных сословий вверенного ему края, как-то: казаков уральских, оренбургских, калмык, тептярей, башкир и мещеряков, предавать их военному суду...». Обосновывая свою просьбу, губернатор отмечал, что «воровство не есть единственное преступление военного сословия обитателей того края: бродяжничество, разбои, грабежи, укрывательство беглых и других преступников сделались общими до того, что все усилили к пресечению сего зла обыкновенными мерами остаются безуспешными; ибо множество сего рода дел, занимая присутственные места, лишают возможности решать их в скорости». Ходатайство Перовского было удовлетворено. Сенатским указом

от 26 февраля 1834 г. «О осуждении военным судом, находящимся в Оренбургском крае отставных казаков уральских и оренбургских, калмык, тептярей, башкир и мещеряков» все уголовно-следственные дела изымались из гражданского судопроизводства и передавались на рассмотрение военного суда. За земской полицией оставалось только производство следствия по преступлениям, совершенным в неслужебное время. Указом предусматривалось проводить разбирательство военносудными комиссиями в постоянных военных судах, учрежденных при войсковых канцеляриях уральской и оренбургской и в городах: Уфе, Верхнеуральске, Троицке и в Орской крепости.

В первой половине XVIII века продолжала оставаться довольно острой и проблема совмещения гражданской и военной юстиции в казачьем войске. Военный министр в начале 1836 г. обратился в Правительствующий Сенат с вопросом, «каким судом гражданским или военным производить дела по искам в тяжких обидах между отставными Оренбургскими и Уральскими казаками и тамошними инородцами». Указом Сената от 16 января 1836 г. были приняты правила о порядке производства дел по такого рода искам. Было решено, что все лица, принадлежащие военному сословию и обвиняемые в «тяжких обидах уголовным порядком», подсудны не уездному а военному суду. Расследование этих дел должен производить земский суд, а затем передавать материалы в военно-судные комиссии.

Несмотря на значительные изменения, произошедшие в начале века в сфере осуществления правосудия, еще долгое время в казачьих войсках практиковалось внесудебное преследование казаков за отдельные виды правонарушений. Так, в апреле 1848 г. Высочайше утверждено было мнение Государственного Совета «О мере наказания казаков Оренбургского и Сибирского казачьих войск, а равно башкиров и мещеряков за провоз контрабандной соли» [8]. Нормативным актом предусматривалось, что казаки Оренбургского и Сибирского казачьих войск, виновные в тайном провозе соли из Киргизских степей, подвергаются, несмотря на состоятельность или несостоятельность их к платежу взысканий, телесному наказанию при полках без суда. В первый раз виновных наказывали розгами от 40 до 60 ударов; во второй — палками от 40 до 60 ударов, а в третий — палками от 60 до 100 ударов и отсылали в крепостные арестантские роты на срок от 3 до 5 лет. При отягчающих обстоятельствах, а имен-

но, если казаки отлучались для тайного провоза соли во время их действительной линейной службы, то виновных наказывали при полках без суда палками от 60 до 100 ударов, во второй — предавали суду и наказывали шпицрутенами через 500 чел. один раз, в третий — приговаривали по суду наказанию шпицрутенами через 500 чел. два раза и направляли в крепостные арестантские роты на срок от 4 до 6 лет, в четвертый раз — после наказания шпицрутенами через 500 чел. от 2 до 3 раз, виновных исключали из казачьего звания и отсылали в крепостные арестантские роты в «разряд всегдашних арестантов».

Еще более обособило оренбургских казаков в судебном отношении утвержденное Императором 12 декабря 1840 г. «Положение об Оренбургском казачьем войске» [12]. Судебными и полицейскими функциями в той или иной степени были наделены многие чиновники войска и специально созданные судебные органы. Согласно «Положению», в компетенцию Наказного атамана, помимо управления войском, входили и вопросы организации суда и судопроизводства. Нормативный акт предоставлял право Наказному атаману окончательно решать «военно-судные дела» [12]. По его указанию могло возбуждаться уголовное преследование за «какие-либо нерадения к должности, а паче преступления... или нарушения порядка службы» [12]. Значительную роль в судебной системе войска играл начальник штаба, второе лицо в системе управления после Наказного атамана. Согласно закону, все «следственные и военно-судебные дела» и вынесенные по ним приговоры, перед тем как направить их на утверждение Наказному атаману, рассматривались начальником штаба. Рассмотрев дела и приговоры не более чем в двухнедельный срок, начальник штаба должен был дать свое заключение и направить его атаману [1, с. 39].

В нормативном правовом акте отмечалось, что основными обязанностями войскового правления является исполнение «дел до гражданской и земской полиции относящихся, войсковое хозяйство, дела гражданского суда, ревизия счетов или войсковой контроль» [12].

Контроль по военно-судной части был возложен на третий стол нового, ранее не свойственного казачеству органа — Войскового дежурства. Основные направления деятельности третьего стола состояли в учете законов и постановлений по военно-судной части, в наблюдении за производством дел по правилам военного

суда, в содействии успешному производству дел в военно-судных комиссиях, по их представлениям, а также приведение в исполнение «Высочайше подтвержденных приговоров и утверждение предоставленных власти Войскового Наказного Атамана». Непосредственно дела по воинским преступлениям рассматривала действовавшая при Войсковом дежурстве комиссия военного суда, состоящая из презуса, четырех ассессоров и аудитора. В компетенцию комиссии входило производство следствия и военного суда над всеми, как служащими, так и отставными чиновниками и нижними чинами. В производстве дел комиссия руководствовалась «общими о военных судах постановлениями» [12, § 149].

Основная масса гражданских дел имущественного характера и дела по незначительным преступлениям разбирались в станичных судах чиновниками 2-го стола полковых правлений. Положение весьма крепко закрепляет статус станичного суда. В параграфе 337 говорится о том, что станичные начальники и станичные судьи избираются обществом своих станиц на три года и утверждаются Войсковым Наказным Атаманом. Касаясь же порядка производства дел, обязанностей станичных судей, их ответственности, Положение отсылает к аналогичным правилам войска Донского.

Анализ судебных функций полковых правлений и особенно станичных судов позволяет сделать вывод, что они в значительной мере сливались с административно-управленческими. Так, например, в обязанности станичных судей входило лично осматривать обмундирование и снаряжение казаков, выходящих на службу, и в случае обнаружения недостатков устанавливать сроки их устранения. Если казак не ликвидировал допущенные просчеты к определенному сроку, он мог быть наказан розгами и для него устанавливался новый срок устранения неисправности в снаряжении. Станичные начальники, судьи и вся администрация самым строжайшим образом обязывались контролировать сохранность принадлежащего казакам обмундирования и снаряжения, не допускать продажи ими строевых лошадей и всего того, без чего они не могли своевременно выйти на службу. Лица, продававшие снаряжение, и тем самым нарушающие установленный запрет, подвергались различным наказаниям, в том числе и телесным, а у купивших амуниция отбиралась без возмещения затраченных средств и возвращалась прежним владельцам.

Дальнейшие существенные изменения в административно-судебной системе казачьего войска были связаны с реформами 1864 и 1865 гг. По оценке современных отечественных ученых-юристов, судебная реформа 1864 г. и последующих лет совершила настоящий переворот в российской правовой системе. В ее основу лег принцип разделения властей. Провозглашалось равенство всех перед законом. Судьи объявлялись несменяемыми, провозглашался общий для всех суд. Отменялись для женщин телесные наказания вообще, для мужчин — розги и шпицрутены. Был сделан следующий шаг по пути отделения суда от администрации. В частности, в ст. 54 Положения об образовании из Оренбургской губернии двух губерний — Уфимской и Оренбургской, отмечалось, что все «войсковые обыватели» Оренбургского казачьего войска в делах «тяжбных и исковых», а также и уголовных, по преступлениям в период, когда они не находились на полевой службе, подлежат судебным властям губернии, на общем для всех сословий основании [11]. Правительствующий Сенат в Указе «О порядке производства дел по преступлениям и проступкам чинов Оренбургского казачьего войска, не заключающим нарушения военных обязанностей и дисциплины» также отмечал, что по буквальному смыслу ст. 54 все вообще вышеуказанные дела «войсковых обывателей» подлежат ведению «общих административных и судебных мест губернии» [10].

Положение предусматривало и создание станичных судов для разбора «маловажных тяжб и исков и рассмотрения дел о маловажных проступках». Впервые в пореформенный период в одном из казачьих войск — Оренбургском станичный суд был преобразован на началах, установленных положением от 19 февраля 1861 г. для волостных судов. Преобразование было закреплено специальным нормативным актом. Биржевые ведомости 23 декабря 1865 г. писали: «По положению о разделении губернии на две: Уфимскую и Оренбургскую, большую часть последней составили земли Оренбургского казачьего войска... и вместе с тем им (казакам) дарован станичный суд на одинаковых началах с крестьянами».

Административная и судебная реформа в Оренбургском казачьем войске, в соответствии с проводившейся в этот период политикой правительства в отношении казачества, была направлена к решению одной задачи, именно к ослаблению замкнутого и обособленного состояния каза-

чьего населения и к слиянию его, в отношении гражданского благоустройства, с остальным населением империи. Особые войсковые судебные присутственные места были упразднены, дела были переданы в общие судебные учреждения, военные или гражданские, смотря по роду дел. В этот же период были приняты меры к определению, и даже к ограничению случаев подсудности казаков военному суду. В 1870 г. были утверждены правила «О подсудности по преступлениям лиц войскового сословия всех вообще казачьих войск». Согласно этим правилам, дела о преступлениях лиц войскового сословия казачьих войск в целом переходили в ведение гражданского ведомства. Военному суду казаки подлежали лишь в случаях:

1) совершения любых преступлений лицами, состоявшими на службе в строевых частях или в военных войсковых учреждениях. Исключение делалось лишь для гражданских чинов, которые были подсудны военному суду только в случаях совершения ими должностных преступлений или нарушения правил военной дисциплины;

2) совершения преступлений лицами состоящими на льготе или на внутренней службе — по преступлениям составляющим прямое нарушение обязанностей военной службы;

3) совершения преступлений войсковыми чинами служилого разряда, уволенными в отставку, — также только за те из совершенных во время строевой или

внутренней службы и льготы преступных деяний, которые были соединены с нарушением обязанностей военной службы.

Нормативным актом определялось, что правонарушения казаков рассматриваются военно-судными учреждениями на основании общих для военно-сухопутного ведомства правил, а преступления, подлежащие рассмотрению «гражданскими» судами, — на основании общих уголовных законов [9].

Наиболее часто военные суды привлекали казаков к ответственности: за неисполнение приказа начальника, уклонение от обязанностей службы, побег и самовольную отлучку, неявку на службу в срок, нарушение общих обязанностей караульной службы и службы во время дежурства, оскорбление начальника, растрату казенного имущества и некоторые другие преступления и проступки.

В Оренбургском казачьем войске военно-судные уставы были введены в 1878 г. В этом же году состоялось введение и мировых судебных установлений в Оренбургской губернии.

Ограничения подсудности казаков военному суду и закрепление правового статуса станичного суда должны были решить задачу демократизации суда и приближения правосудия к населению, а также освобождения общих судов от незначительных текущих дел. В рассматриваемый период окончательно сформировалась не только структура управления Оренбургским казачьим войском, но и структура местной юстиции.

Литература

1. Абрамовский, А. А. Судебная система Оренбургского казачьего войска середины XIX века / А. А. Абрамовский // Состояние и перспективы развития правового государства в РФ : материалы всерос. науч.-практ. конф. — Челябинск, 2001.
2. Воропанов, В. А. Судебные учреждения как фактор общественной эволюции в Оренбургском крае 1775—1866 гг. / В. А. Воропанов. — Челябинск, 2001.
3. Евреинов, Н. История телесных наказаний в России [Репринт. изд.] / Н. Евреинов. — Белгород, 1994.
4. Ефремова, Н. Н. Судостроительство в России в XVII — первой половине XIX в. / Н. Н. Ефремова. — М., 1993.
5. Исаев, И. А. История государства и права России / И. А. Исаев. — М., 2000.
6. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. — Т. 7. — Оренбург, 1907—1910.
7. Никонов, И. Е. Словарь по истории России IX—XVI вв. / И. Е. Никонов, Б. Г. Якименко. — М., 1994.
8. О мере наказания казаков Оренбургского и Сибирского казачьих войск, а равно башкиров и мещеряков за провоз контрабандной соли : мнение Государственного Совета // Полное собрание законов Российской империи. — Т. XXIII. — № 22178.
9. О подсудности по преступлениям лиц войскового сословия всех вообще казачьих войск : правила // Полное собрание законов Российской империи. — Т. XLV. — № 48207.
10. О порядке производства дел по преступлениям и проступкам чинов Оренбургского казачьего войска, не заключающим нарушения военных обязанностей

и дисциплины : Указ правительствующего Сената // Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. — Т. 4. — № 181. — СПб., 1871.

11. Положение об образовании из Оренбургской губернии двух губерний Уфимской и Оренбургской // Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. — Т. 1. № 45. — СПб., 1870.

12. Положение об Оренбургском казачьем войске. Утверждено императором 12 декабря 1840 г. // Полное собрание законов Российской империи. — Т. XV. — № 14041.

13. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. — Вып. XVIII. — Оренбург, 1907.

14. Шадрин, В. М. Пограничный суд в механизме государственно-правового регулирования отношений России с Казахстаном в конце XVIII века / В. М. Шадрин // Вестник Челябинского университета. — 2002. — № 1.

ШАДРИН Владимир Михайлович, доцент кафедры социальных дисциплин и управления факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов, Южно-Уральский государственный университет, канд. юридических наук, доцент. Челябинск, ул. Артиллерийская, д. 100. E-mail: shadrin.19@yandex.ru

SHADRIN Vladimir Mikhailovich, associate professor of the Department of Social Disciplines and Administration of the faculty of Law Enforcement Training of South Ural State University, Cand. Sc. Law, associate professor. 100, Artilleriyskaya Str., Chelyabinsk. E-mail: shadrin.19@yandex.ru

For citation: **V. M. Shadrin**. Legal Proceedings in the System of Administration and Local Justice of Orenburg Cossack Troops
Problemy prava (Issues of Law) founders journal № 2(50).2015. pp. 85—91.

